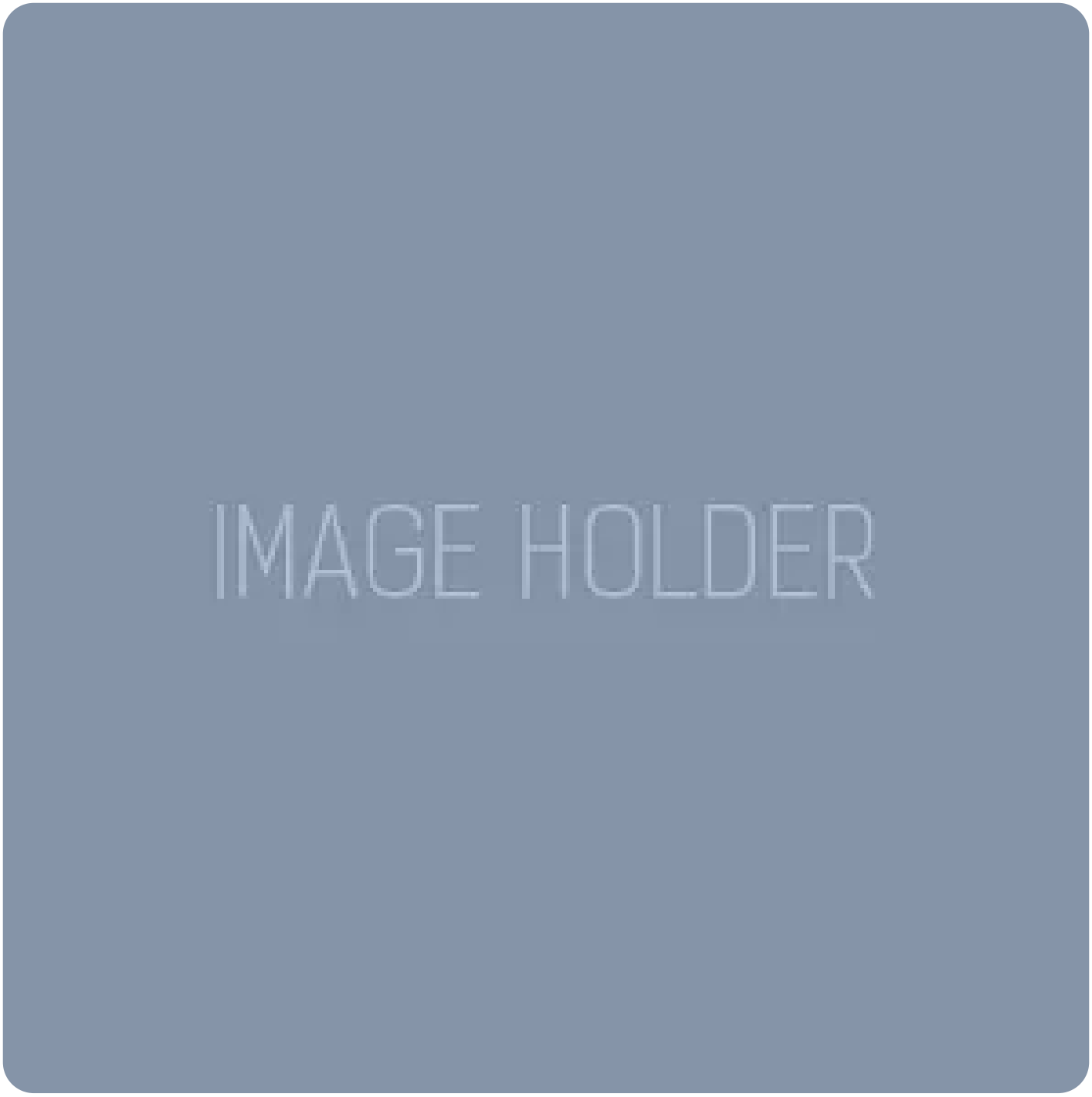

Встреча с прошлым

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Rodina

Ссылка на публикацию

— Мам, я нормальная! Что ужасного прошу? У меня каникулы. Съезжу к бабе Кате в деревню на один только денёчек, ну можно? — ныла я всякий раз, оказываясь рядом с мамой. — Эта Катя, как ты её называешь «баба», абсолютно чужой человек, а ты - маленькая девочка, за которую мы с отцом несем ответственность. — Поехать не могу, потому что маленькая, а как приготовить

ужин - большая? — Именно так. А может у бабы Кати внучек интересный? — Мам, ты чё меня сейчас байтишь? Адский кринж же, ну! — Ну и сленг! Ничего не поняла! Хотя, думать о мальчиках тебе тоже рано. Ещё в куклы играешь. — Мне почти пятнадцать и я не играю в куклы, а конструирую для них одежду, потому что хочу стать модельером — выкрикиваю уже запертой двери. Вообще-то, частично мама права. Я действительно шью одежду на куклу Барби с первого класса. Раньше брала у бабушки лоскутки ткани, коллекционировала разноцветные бусины, пуговки и ленты, выпрашивала деньги на дорогое тончайшее кружево и шила, пришивала, вышивала наряды для принцесс. На пышные юбки и платья добавляла много декора. Из собранных лент, кружева, бисера делала замысловатые цветочки и крепила на платья. Получались, на мой взгляд, роскошные наряды. Потом стала перешивать свою одежду, из которой выросла. А мама всегда ворчала, что мне нужно перестать играть в куклы, потому что взрослая уже. Я и сейчас учусь кроить одежду, создавать новые образы, то есть тренируюсь на куклах. Мы спорили целую неделю и, наконец, родительница смилостивилась. — Ладно, катись колбаской, но будь поосторожнее. Отцу решили ничего не говорить. Мы, почему-то часто скрываем от него наши дела и даже разговоры. Младший брат просился со мной, но я его отшила: — Ты своим присутствием весь вайб сломаешь и, вообще, без сопливых скользко. — Хорошо Ева, но и ты больше не проси меня врать маме, когда уроки прогуливаешь. — OMG! Камон, Думер! Ева — это я, и я ненавижу своё имя. Согласитесь, что Ева — что-то занудное, покладистое, с бледным лицом от набожности и, вообще, зашквар какой-то. А я отважная, лёгкая на подъём, взбалмошная, с постоянным румянцем во всю щеку. У меня даже волосы и те, принципиально торчат в разные стороны. Я ученица восьмого класса. Подруг у меня нет, потому что в этой школе после переезда учусь меньше года, и для всех ещё "нуб". Правда в классе все дружные и никто никого не "харасит", но все же мои "соулмейты" остались по старой прописке. А ещё я запоем читаю книги по истории и эзотерике. В одной повести наткнулась на описание ночи на праздник Ивана Купалы, когда люди жгли костры и прыгали через них, водили хороводы, обливали друг друга, девушки плели венки и отправляли их по течению реки, собирали лечебные травы. Сейчас, конечно, ничего такого никто не делает. Но самое главное в празднике совсем не гулянья, а то, что в купальскую ночь распускается цветок папоротника. И кто сорвет его, тому откроются все тайны на земле. У огненно-красного цветка еще много функций, но именно эта заинтриговала меня больше всего. Решила — надо ехать. Уж я то наверняка найду этот цветок. Вот взбрело мне, что-то в голову, взорвало мозг. Ещё в книге написано, что в ночь на Купалу нельзя спать, так как оживает и становится активной вся нечисть: ведьмы, оборотни, упыри, русалки, но в них, как в и деда Мороза - не верю. —Мам, задонатишь на билет? — попросила, пока она не успела передумать. А через час уже ехала на автобусе, как решила, за

сотню километров от города. В деревне, куда направлялась, когда-то жила моя бабушка. Я часто гостила у неё, поэтому в близлежащем лесу не только каждую полянку, но и каждый пенёк на ощупь знаю. Сейчас у меня есть компас, телефон с фонариком, одета по-походному — так что за меня беспокоиться? Медведи здесь не водятся, другие звери сами к человеку не подойдут. Остаются - люди, которые пострашнее зверей, но с ними постараюсь не встречаться. В тишине леса шаги далеко слышно, успею спрятаться. Самые злобные хищники в чаще — это комары. Огромные и кусачие. А темноты я совсем не боюсь. Автобус привёз на остановку в центре села. От неё до леса ещё топать и топать. — Ничего, вот доберусь, разведу маленький костер, и буду жарить на нем взятый из дома хлеб с фрикадельком, насаженной на палочке, как мальчишки учили, а потом пойду искать цветок папоротника, и обязательно найду его. Верю в реальные чудеса, а значит, они должны происходить в жизни. Обязаны — думала, шагая в сторону леса. — Ева! — окликнул меня знакомый голос. Обернулась и улыбнулась бабе Кате. Она живёт в домике на краю деревни. Раньше мы у неё покупали молоко. Моя бабуля скотину не держала. Мы приходили к вечерней дойке, баба Катя наливала трехлитровую банку. Мы с братом не выдерживали и прямо через край отпивали по нескольку глотков парного, живого, тёплого молока , ссорясь за право первой очереди. — Здравствуйте, баба Катя! — Доброго здоровья, девонька. Вы к кому-то приехали в гости? А где остальные? — оглядываясь по сторонам, спрашивает старушка — Нет, я одна. Захотелось в лесу встретить купальскую ночь — не стала лгать ей. Лицо бабушки потемнело. Она и так-то выглядела ведьма-ведьмой, сухонькая, сморщенная, как слива сушёная, с коричневыми пятнами на руках, а тут и вовсе сгорбилась, уменьшилась. — Вот оно как. Зря ты это задумала, Ева. Ох зря! — Почему? — переспросила я. — Сегодня сумеречная ночь — непонятно ответила она — кто знает, что выйдет из ока… — Из какого ока? — Это тебе не нужно знать. Может, не пойдешь? — Как не пойду? А куда мне тогда? Автобус уже уехал… — Да хоть у меня переночуешь. Постелю тебе в комнате внука. Отрицательно покачала головой. Хотелось в лес. Уже настроилась, что буду жечь костёр. Огонь будет отбрасывать пляшущие тени, деревья будут загадочно шуметь и качаться у меня над головой, а жёлтая луна будет подмигивать с фиолетово-чёрного неба. И променять все это на деревенскую ночевку в доме? Запах леса - на запах пуховой перины!? Да, ни за что! Так и заявила бабуле. — Ох, милая, кто знает, что ты там найдешь – снова запричитала баба Катя. Я пожала плечами и засмеялась. — Постараюсь найти цветок папоротника — Не страшно тебе? — Баб Кать, на улице средь бела дня гораздо опаснее, чем в самом темном лесу самой страшной ночью — Может и так. Только будь осторожнее. Попрощавшись, отправилась по дороге к смешанному лесочку. Настроение не то чтобы "рипнулось" совсем, но сдулось, как воздушный шар. Вечерело. Вокруг, во мне, в природе, всё стало призрачно меняться. Уже давно сошла с натоптанной тропы и

неторопливо шла по берегу ручья, привычно держа направление на восток, к реке. И все же, как хорошо здесь! Берёзы с маслянистыми листочками, смоляные сосенки, полевые цветы, полынь и чабрец пахнут так остро, что голова кружится. Выбрала полянку, легла на траву, прищурилась, и принялась слушать песни леса. Открыла глаза от неожиданного дуновения ветерка, шифоновым шарфиком, скользнувшего по лицу. От того что увидела, волосы мгновенно встали дыбом, а по коже пробежала стая муравьёв. Невдалеке от меня стояла простоволосая, босоногая девушка в старинном наряде селянки и держала в руках куклу. Незнакомка будто светилась изнутри, и потому была похожа на божество или приведение. Она смотрела мне прямо в глаза, прикрывая ладошкой рот, будто приказывала, что громко говорить нельзя. В недоумении я зажмурилась и помотала головой. "Ну не биполярочка же у меня?" В следующие пять минут поочерёдно щипала себя за ногу, дёргала за волосы, стучала по лбу, но незнакомка все так же стояла у ручья и не собиралась исчезать. Встав на ноги, обошла её кругом и шёпотом спросила — Кто ты? У кого "сбайтила" прикид? — Добры вечар. Ты размаўляец па-руску?» — спросила селянка на каком-то тарабарском языке, но я все поняла. — Да по-русски. Как тебя зовут? — Мяне завуць Мария Рабавэль. Асцярожна! Я нічога дрэннага не зраблю, але тут немцы! Девушка знаком показала мне идти за ней. Почему-то беспрекословно повинуясь, пошла следом. Крадучись мы вышли к краю околка откуда с ужасом увидела полыхающую огнём деревню, из которой только что пришла. Все до одного дома до самых крыш были охвачены пламенем и горели так сильно, будто сделаны из соломы. Пылали пристройки, заборы и сады. Казалось, что даже земля горит возле усадеб. Клубы дыма и пепла ватным покрывалом застилали небо. Можно подумать, что рядом произошло извержение вулкана. Оттуда доносились крики людей, плачь детей, рёв животных, лай собак. От ужаса душа ушла в пятки, а сама я впала в ступор, не зная, что делать. Огонь шел стеной на лес и никто не пытался его тушить. Запах гари и пепел уже достигли места, где стояли мы. Ещё страшнее стало, когда из-за угла последнего дома один за другим стали выходить военные. Строй солдат в чёрной немецкой форме со свастикой на рукавах и фуражках двинулся в нашу сторону. Идущие были вооружены короткими автоматами, некоторые держали на поводках лающих собак. — Мария, это реконструкция, что ли? Тогда, кто кричит и плачет? — Гэта жыхары вёскі Шаўлічы. Их усих арыштавалі. Раніцай усіх заб'юць и спаляць По щекам девушки, чертя дорожки, катились слёзы — Я ничего не понимаю. Что это за "трабл" такой? Скажи война началась? — Вайна ідзе ўжо тры гады. Я пайду да сваіх, а ты не выходзь. Хавайся тут. — Нет, не ходи туда, вдруг тебя убьют? — закричала я и попыталась схватить, удержать девушку. Но не успела, лишь кукла выскочила из её руки и упала на землю. — Мяне не заб'юць. Мяне не бачыць ніхто - прошептала Мария и вышла навстречу идущим фашистам. Вскрикнув, я упала на землю и закрыла глаза. Раздалась

автоматная очередь. На какое-то время я впала в коматозное состояние. Как долго бессознательно провалялась в траве - не помню, а когда очнулась, уже занималась первая зорька. Вокруг стояла тишина и никого пожара, немцев, стрельбы, крика людей, то есть ничего, из тех ужасов, которые только что видела вокруг - не было. Деревня целая и невредимая виднелась вдали. И только рядом со мной лежала старая кукла, которую уронила Мария. Ничего не понимая, подняла куклу и напрямик через лес бегом, что есть мочи, помчалась на остановку автобуса, главное подальше от этого страшного места. Ни о каком цветке папоротника даже не вспомнила, а всё время с горечью в сердце думала о том, что случилось с девушкой Марией Рабавэль. Мама, увидев моё подавленное настроение после возвращения домой, принялась не просто расспрашивать о том, что случилось, а выпытывать: «Расскажи, да расскажи, что произошло». Поведала ей все, что мне привиделось. Теперь была уверена, что это был лишь сон. И только найденная кукла не давала возможности все забыть. После услышанного, мама долго молчала, потом переспрашивала, потом просила пересказать подробности, ещё раз назвать фамилию девушки. Она плакала, сердилась и не верила мне, утверждая, что я прочитала об этом в интернете. Я недоумевала. Только после того, как горько расплакалась и я, она рассказала одну из историй нашей семьи, которая очень сильно удивила меня. Рабавэль - девичья фамилия маминой бабушки. Она жила в деревне Шауличи, которую в августе 1915 г., во время Первой мировой войны, казаки царской армии сожгли дотла - в первый раз. Тогда, будучи незамужней девушкой, Мария избежала смерти. А вот с шестого на седьмое июля 1943 года, она не уберeглась. Как раз в праздник Ивана Купалы, ранним утром, деревню окружили немецкие солдаты и полицаи. Жителей силой согнали в центр села. Проверили по спискам, после чего обвинили в помощи партизанам. Стариков, мужчин и подростков отделили от женщин и закрыли в сараях. Некоторым дали лопаты и заставили копать себе могилы… В этот день было расстреляно, а потом сожжено 336 жителей, включая 120 детей. Все дома сгорели дотла. Деревня Шауличи, состоявшая из 77 дворов, где жили 94 семьи, перестала существовать… Мария Рабавель, тогда уже Кононова вместе с матерью и младшим сыном были среди погибших. Живой из всей семьи осталась её старшая дочь, которая жила в няньках у своей тётки в соседнем селении. Это была мамина мама. Отдельного захоронения у Марии Кононовой нет. Её тело не нашли, но останки предположительно похоронены в братской могиле. Мы с мамой долго говорили, я возмущалась тем, что она раньше не рассказывала мне эту историю, рыдали обе, но осмыслить и понять произошедший со мной случай ни тогда, ни сейчас так и не смогли. В качестве эпилога: через год на праздник Ивана Купалы мы всей семьёй посетили Мемориал "Шауличи" в Беларуси, посвященный трагедии "огненных деревень", стертых с лица Земли в годы Великой Отечественной войны. На братской могиле, кроме цветов я оставила куклу, которую моя прапрабабушка Мария

Рабавель обронила у ручья. Она ещё долго приходила ко мне во снах. С тех пор я боюсь бывать в лесу. И ещё - больше я не шью одежду куклам, а готовлюсь к поступлению на исторический факультет. Хочу стать историком, чтобы не дать людям забыть о деревне Шауличи и других страшных бедах прошедших войн.